



*Джону, Джеймсу, Полу и Йохану,
что претерпели столь многое,
я посвящаю эту книгу.*

*Взор обратил я на восток, навстречу солнцу,
Увидев башню на холме, что высилась неколебимо,
А на востоке — дол, где было подземелье
С кавернами, ужасными на вид.
Меж ними — поле, полное людей,
Всех без разбора — бедных и богатых,
В трудах иль праздности, как мир того просил.*

«Видение о Петре Пахаре»

*Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? И ни
одна из них не забыта у Бога.
А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь:
вы дороже многих малых птиц.*

От Матфея, 10:29–31

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Если бы сегодняшняя ночь не была кривой тропой

//////////

- 1 -

4 июля 1976-го: в ту ночь они повстречались. Всего лишь дети, но не душой. В ночь праздника миллион людей маршировал от метро к реке, Джордж был среди них, и Анна тоже — впервые он увидел ее в тесном вагоне подземки. Они вышли на улицу, и толпа растеклась, люди, подобно пилигримам, тем, что вам доводилось видеть на картинках, одурманенные верой, разбрелись вниз по Кортленду и Ректор-стрит, вверх по Уотер-стрит и Уолл-стрит, множеством верующих в нравственную силу, стоявшую за основанием республики. Потемневшая история нации легкой ношей лежала на их плечах — все же они были на празднике ее двухсотлетия, и в разгаре были спасительные выборы. Страна еще не выжала надежду из всех, кроме богатейших граждан, и это грандиозное шоу было их официальным развлечением в серебристой тьме, требуя лишь полдолларового жетона на проезд. Они собрались здесь ради фейерверков, что должны были стать кульминацией этого долгого дня, и неизвестно

было, достойно ли он завершится, так как все знали об убийствах, и ложь стала привычной — в день, когда по реке шли парусники, а на ее берегах пили пиво и готовили барбекю. А сейчас они все шли и шли, пока не оказались у водной преграды — на востоке за спинами вздымались исполинские башни, а на западе чернел Гудзон — толпа была готова смотреть на фейерверки, фейерверки, каких, как говорили, еще не бывало, пылающие в размытом сумеречном небе над гаванью, где собрались парусники со всего света. Все корабли стояли на якорях, с убранными парусами, и на морской глади раскинулся лес долговязых мачт, подобно крестам, что ждали воров, фанатиков или искупителя.

У Джорджа был особый интерес к кораблям, он три года проработал на лодочной станции Коннектикута и был умелым моряком. Днем по Гудзону проплывали суда, подобных которым он еще не видел: две дюжины гигантских кораблей восемнадцатого века. Лишь в Ньюпорте можно было ступить на борт хотя бы отдаленно похожего судна. Малых судов — малых условно, лишь в сравнении — было больше сотни.

Толпа собралась на свалке — лунном ландшафте песчаных дюн, нырявших в реку за башнями Центра торговли, за готическими останками старого Вестсайдского шоссе, под которыми они прошли, чтобы прийти сюда и неожиданно оказаться на сером пляже; здесь были американцы разного рода, в основном молодежь — не каждый выдержит подобный путь — всех сортов, местные и туристы, богатые и бедные, всех цветов и рас, не теснились, но все были вместе. Джорджу Лэнгленду еще суждено было узнать, что в жизни каждого города есть миг, объединяющий

БЕЗУМНАЯ ТОСКА



всех, сливая их воедино в полуюединодушном эмоциональном переживании. Подобное он испытывал впервые; в ноябре ему, парню из восточного Коннектикута, должно было исполниться двадцать, и он, обычно отрешенный, откровенный циник, был потрясен, не веря в то, что здесь могло собраться такое количество людей, хаотически разбитых на группы, бездумно, словно бизон, пересекавших это песчаное ничто. Сколько в этом было добра! Каждый день город превращался в карту военных действий, где безопасные зоны чередовались с захваченными территориями, где царили враждебность и насилие, но только не здесь. Полуукуренное, жизнерадостное стадо в молочно-белом свете напоминало новых лунных колонистов — Луну покорили семь лет назад, и казалось, что с тех пор минуло целых три века. Джорджу тогда было двенадцать, и мать еще была жива. Она разбудила его в два часа ночи, чтобы он посидел с ней на диване, пока она курила «Раули», поджав голые ноги, чтобы наблюдать за нелепо выглядывшими мужчинами, одетыми, как Дайвер Дэн¹, и двигавшимися так же медленно — подпрыгивая, тяжело шагая по серой пустыне, они устанавливали в грунте неподвижные алюминиевые флаги США, заявляя права своего королевства. Он вспомнил, что сказала мать: «Вся эта затея с флагами *всегда* была хорошей идеей, ни разу в истории не приносила проблем, и для сопричастных ей все кончалось хорошо». На следующий день парни из NASA играли

¹ Diver Dan — американское телешоу (1960–1962). Главными героями были водолаз Дэн, русалка Минерва и кукольные рыбы. Снималось сквозь аквариум с настоящими рыбами, что создавало ощущение интерактивности. (*Здесь и далее прим. пер.*)

там в гольф и засеяли «Тайтлистом»¹ лунный ландшафт — помехи, треск, помехи, «*вас понял, Хьюстон*», помехи, «*это было э-э-э*», помехи, помехи, «*около э-э-э*», помехи, «*пятнадцати сотен ярдов*»², помехи, треск — электрические волны, и белый шум, и свист, и гул двух сотен тысяч душераздирающих миль. «*Да уж, вот бы нам*», помехи, помехи, помехи, «*так бить*», помехи, «*там, на большой голубой, перехожу на прием*», помехи, помехи, помехи. «*Так... вас понял, Орел*». NASA не обучали сотрудников наземного комплекса управления жизнерадостной болтовне. На человеческий дружелюбным тоном переводил Кронкайт³, сверкая неуверенной улыбкой — со дня убийства Джона Кеннеди по его бровям можно было угадать настроение всей нации, — объясняя, как благодаря пониженной гравитации астронавт способен подпрыгнуть на десять футов, даже в столь тяжелом костюме, и запустить мяч, как ракету (*одна шестая той силы*, подчеркивал он, *что притягивает нас к Земле*). И кто? кто бы мог подумать, что они сумеют запихать клюшки, мячи, метки и всякую всячину в крохотную, тесную кабинку упакованного в фольгу модуля с паучьими лапками, на котором они прибыли? Ребята, хоть тресните, но не вздумайте забыть клюшки для гольфа, как отправитесь на эту чертову Луну.

¹ «Тайтлистом» — компания, производящая мячи и клюшки для гольфа.

² Алан Шепард, первый астронавт, игравший в гольф на Луне, преувеличивает: как показали позднейшие исследования, первый мяч пролетел всего 24 ярда (22 м), а второй около сорока ярдов (37 м).

³ Уолтер Лиланд Кронкайт (1916–2009) — американский журналист, бессменный ведущий вечернего выпуска новостей CBS с 1962 по 1981 год.

БЕЗУМНАЯ ТОСКА



Семь лет спустя, почти день в день, здесь поднимались и опускались маленькие нью-йоркские дюны, и гравитация была точно такой же, как на уровне моря на всем Восточном побережье. Песок на свалке был плотный, слежавшийся, казался темноватым, неприятно хрустел под сандалиями и кроссовками и был необъяснимо влажным, с нездоровым маслянистым блеском. Кое-кто из завязтых хиппи топтал его босиком, что казалось Джорджу слегка... неразумным? Перегнули с идеологией. Он попытался представить, откуда руководство нью-йоркской инфраструктуры достало весь этот грязный, мокрый песок, что за гадость могла в нем водиться и как он вообще здесь оказался. Плотные фрагменты — сланец, камни и земля — явно свезли сюда, к реке, когда заложили башни там, за спиной. *Но откуда песок, брат?* И вот, в эту ночь здесь стоит так много людей: подземку забили до отказа, до самого предела, и здесь были Джордж, на лето оставшийся в кампусе (в сентябре ему предстоял второй курс в Колумбии), и его друзья — большинство из них покинули город в мае, но вернулись ради общенационального парада. Днем в Риверсайд-парке все они курили траву, следя за идущими на всех парусах кораблями, потрясающими и романтичными. Вокруг, в плотной духоте на закрытом вестсайдском шоссе манхэттенские пуэрториканцы и доминиканцы устроили пикник, принеся складные стулья и хибати, а их одеяла, обувь и детские игрушки чудесным образом распределились прямо на горячем асфальте.

Трава уже отпустила, а головная боль еще не пришла, и Джордж, чьи чувства обострились, ощущал лишь пустоту внутри. Сейчас его интересовала лишь девушка, он все еще не знал, как ее зовут. Она была

невысокой, смуглой, с изящными формами, а за зелеными глазами, казалось, скрывалась череда тихих, печальных комнат. Небрежная челка, каштановые волосы спадают на плечи. Красная клетчатая хлопковая рубашка, старая и мягкая, немного расстегнулась и тянулась назад под своим собственным весом, открывая шею и спину больше, чем грудь. Лифчика на ней не было, грудь была прелестной. Его влекло к определенным женщинам, с живым и опасным складом ума; проворным, игривым, с озорным взглядом. Перед глазами вновь мелькнул образ матери. Даже после смерти она не покидала его. Особенно после смерти. Кроме рубашки на девушке были обрезанные шорты Levi's. Кеды, шнурки навыпуск. Патриотичный, чисто американский прикид. Подружка Гейста, перевод: спала с ним, этим богатеньким принстонским плейбоем, но если верить Майклу, встретившему ее и пригласившему сюда, сейчас с Гейстом она не спала.

Джордж нес полуоткрытый мини-холодильник, откуда торчало горлышко уже откупоренного и весьма неплохого шабли, плюс потертый, похожий на треску чехольчик в кармане шорт, где покоилась четверть унции годного колумбийского: темно-желтая трава с крупными, липкими шишками и три уже скрученных косяка. Он, и она, и все остальные тащились по дюнам, вверх-вниз, как миллион тупых исследователей, все, как один, решивших отправиться на южный полюс одновременно; серовато-коричневый песок пылил под сандалиями, конверсами и пумами, зелеными, как лес: толпа знала, что еще не видимой целью был мыс на юго-востоке.

Ее звали Анна. Анна Гофф.

БЕЗУМНАЯ ТОСКА

//////////

Кто-то из друзей шел впереди, кто-то — слева, кто-то — справа, а в их небольшой группе рядом с Джорджем и Анной был Робби, учившийся курсом старше и курировавший Джорджа в «Очевидце», ежедневнике кампуса, где тот был корреспондентом, а Робби — новостным менеджером; в нескольких футах позади брел скрупулезный гениальный-укуроч-с-математическим-уклоном Логан, прилетевший с Гавайских островов — когда он не курил, в особенности с полуночи до пяти утра, то сидел за компьютером в мэйнфрейм-бункере под корпусом физиков. Сегодня был один из тех редких случаев, когда при нем не было кипы бежевых перфокарт, стянутых резинкой.

Наконец они уселись на вонючем, грязном песке. Начался салют, сопровождаемый аханьем и одобрительными возгласами. По кругу передали косяк, и вскоре все снова обдолбались. Джордж откинулся на спину и прямо над собой видел не столько бесконечные фейерверки, но отблески света в небе, призрачной краской заливавшие угольно-черную небесную ткань.

Он поднялся, хлебнул из бутылки, передал ее девушке. Вино было что надо. Он вновь распластался на песке.

— Вино что надо, — проговорил он.

— Да, — согласилась она. — Хорошее.

— Жаль, что мы не в Испании и это не рассказ Хемингуэя с печальным, но неубедительным концом. Такой, где что-то хорошо, а что-то — нет, и нам известно, что в нем хорошо, а что плохо, а другим — нет, и они путаются в хорошем и плохом. И это нехорошо. Но мы-то знаем. И это делает нас хорошими.

Она наблюдала за фейерверками, словно за цветами из красочного света. Логан и Робби сидели чуть поодаль, курили жирный косяк и обсуждали выборы.

— Мы, конечно же, обречены, — говорила она. — Мы не можем быть вместе. Тебя же ранило на войне, ну, *туда*. А я нимфоманка.

— Чего? — удивился Логан. — Это чё еще такое?

— Из Хемингуэя¹, — ответил Джордж. — Не возбуждайся.

— Я никогда не возбуждаюсь, — возразил Логан.

— Ну разве только когда на своем Фортране напрограммируешь «блядь» на мониторе, — вставил Робби.

— Да делал я так, — бросил Логан.

— И чёй-то я не удивлен? — сказал Робби.

Джордж воспользовался случаем, и пока Анна любовалась сверкающим небом, он предпочел любоваться ею. Ее лицо было непередаваемо чувственным. Рот, скулы, подбородок. Глаза сияли интеллектом, способным буквально сбить с ног — если, конечно, вас, в отличие от Джорджа, не привлекали умницы, и причиной тому была его мать. Он перевел взгляд на мини-холодильник и горлышко бутылки. Вино скоро кончится. Надо оставить этот дебильный холодильник здесь. Пусть станет частью фундамента.

Эндрю и Робби снова раскурили косяк. Робби затянулся: взорвалось семечко, а с ним и весь косяк, как сигара фокусника.

— Бля-я-я-ядь, — протянул Робби.

— Кое-кто хреново лист очистил, — сказал Эндрю.

— Некогда было, — откликнулся Джордж. — Учил наизусть Декларацию независимости.

¹ Роман Э. Хемингуэя «И восходит солнце» (The Sun Also Rises).

БЕЗУМНАЯ ТОСКА



— Ага, и похерил мои поиски счастья, — проворчал Робби. — Мне почти в глаз попало. И зовут тебя Джордж — плохой знак в дни революции.

— Джордж Вашингтон, — сказал Джордж.

— Быть тебе, мудила, Георгом Третьим¹, если такое повторится, — огрызнулся Робби.

Он снова скрутил косяк, раскурил его и передал через неофициальное пространство, отделявшее Джорджа и Анну от остальных. Время растянулось, словно скатерть на траве. Позади, словно волшебные ящики, стояли две башни, отражая огни гавани и фейерверков длинными, геометрически правильными рядами тонких колонн — словно невероятная фреска, вырезанная узкими полосками. Абстракция. Джордж тронул ее за плечо, чтобы она посмотрела туда, и они обернулись, глядя на плоские фрагменты беспорядочных цветов на грозных громадах. Миллион людей в это время смотрели не в ту сторону. Через несколько минут они лежали ближе друг к другу, соприкасаясь телами. Плечо к плечу, касаясь головами.

— Будет ли отсылка к черному монолиту из «Одиссеи» Кубрика считаться клише? — спросил Джордж.

— Да, будет, — ответила она.

— Тогда я воздержусь. Видела, как тот француз прошел по канату между башнями? Петит?²

— Нет, не видела. «Т» не произносится.

¹ Георг III (1738–1820) — британский монарх, жестоко страдавший от порфирии, редкого наследственного заболевания. В 1810 году был признан невменяемым и отстранен от власти.

² 7 августа 1974 года французский канатоходец Филипп Пети прошел по канату, натянутому между Северной и Южной башнями Всемирного торгового центра, снискав международную славу.